

Die russische Sprache und Literatur
im 18. Jahrhundert:
Tradition und Innovation.
Gedenkschrift für Gerta Hüttl-Folter.
Hrsg. von Juliane Besters-Dilger
und Fedor B. Poljakov.

Русский язык и литература в XVIII веке:
традиция и инновация.
Сборник статей памяти Герты Хюттл-Фольтер.
Под редакцией Юлиане Бестерс-Дильгер
и Федора Полякова.

Frankfurt am Main [u.a.] 2009, 357–373
(Русская культура в Европе /
Russian Culture in Europe, 5).

ФЕДОР ПОЛЯКОВ (ВЕНА)

«БЕСПАМЯТСТВО» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XVIII ВЕКА
И ПРАПАМЯТЬ ПИСЬМЕННОГО ЗНАКА
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

Осьмнадцатый век никакой памяти. У
Тредьяковского еще какие-то, как из сна,
обрывки, а у Ломоносова не ищите.

Алексей Ремизов, *Огонь вещей*.¹

Для изучения концептуализации литературно-языковой ситуации XVIII века в последующие эпохи и, в частности, для обсуждения вопросов преемственности культуры в результате воздействия семиотических катализмов Петровского времени представляет интерес творчество Алексея Ремизова (1877 – 1957), в котором находит применение материал древнерусской традиции и задается метауровень, описывающий его освоение писателем. Субстрат допетровской культуры присутствует и в создаваемых Ремизовым образах саморепрезентации, его авторском биографическом мифе. При этом Ремизов зачастую прибегает к радикальным приемам совмещения временных пластов, отождествляя своего повествователя с современником протопопа Аввакума и свидетелем его казни или же адаптируя манеру и технику профессионального средневекового писца в своей литературной продукции.² Фоном для такой ретроспективы служат как воспоминания о пережитом Ремизовым конце Петербургского периода, так и обстоятельства его литературного труда в изгнании.

Обращение Ремизова к древнерусскому наследию неотделимо от обсуждения им вопросов развития русской языковой традиции. Многие страницы произведений Ремизова, а также его эпистолярные свидетельства и рабочие записи содержат замечания – полемические или апологетические – об истории языка, стилистике, лексике, синтаксисе.

¹ Ремизов 2002, 250; Ремизов 2005, 203.

² См. материалы, приведенные в наших предшествующих работах: Поляков 2001; Poljakov 2002.

Несколько повторяющихся мотивов позволяют опознать даже в фрагментарных характеристиках отражение лингвистического аспекта историко-культурной концепции Ремизова:

Дьяки создали свой деловой стиль, заверченный в уложении 1649 г., судебный свод царя Алексея Михайловича. Ничего от Епифания Премудрого и Четы-Миней Макария. Без церковнославянских «вшей и щей».

(Кодрянская 1959, 142);

[В]се правильно, ни одной грамматической ошибки, и запятые на месте: на глаз серо-пего, пальцам вязко, уху – «щи».

(Ремизов 2002, 248; Ремизов 2005, 202);

Для меня особенно любопытно – документы. Только так я проникаю в сердцевину строя природного склада речи. Только так определяется: что наше, что наносное. Никаких дактилических окончаний. В литературной книжной речи употребляемо Карамзинным для «народности». Никаких «щей», какими заму<х>левана наша книжная речь. И «вши» не так вплетены и не так кусают.³

Где же искать речевые русские лады, не подчиняющиеся правилам грамматики церковнославянской [...] В этой приказной речи никаких «щей», да и как в деловое загнать витийство – словесность.

(Ремизов 2003, 126).

Борис Андреевич Пильняк (Вогау) – (1894 – 1933). Мой ученик. В Берлине 1922 г., не покладая рук, отделявал свои рассказы под моим глазом. Я отучал его от школьной грамматики, научил встряхивать фразу, переводя с искусственно-книжного на живую речь [...]. О «шах» и «вшах» ничего тогда не говорил сам сидел в них по уши.

(Ремизов 2003, 126).

³ Кодрянская 1959, 312. Ср. также: «В клокочущем речевом складе Карамзин подслушал дактилическое окончание фраз – гони местоимение и прилагательное на конец фразы. Так и заглавил свою историю: “История Государства Российского”. Карамзинский лад пришелся по русскому уху. Этот окончательный дактиль стал русским стилем» (Грачева 2003, 308).

Непосредственный выход на историю языка зафиксирован рядом ремизовских контекстов, в которых литературный язык оценивается с точки зрения его соответствия некоему исконному русскому «ладу», складу речи.⁴ Типологически такая установка Ремизова на разговорную речь в документальной фиксации, т.е. в ее исторической протяженности, позволяет провести аналогию с предшествующими языковыми концепциями, для которых, по замечанию Б.А. Успенского, «норма литературного языка не дана как системное целое, а ориентирована на речь (на “текст” в широком смысле)».⁵ Именно ориентацией на речь как парадигму литературного языка следует объяснять неприязненное отношение Ремизова к нормативным грамматическим сводам:

Третий век, из поколения в поколение – да мы и думаем-то не по-русски, ладя слова по грамматике Грота, и со знаками препинания.

(Ремизов 2002, 250; Ремизов 2005, 203; ср. Ремизов 1994, 216, № 8).

Всю русскую литературу можно перевести на любой иностранный язык: движение русского слова втиснуто в синтаксис по иностранным образцам, «корректировано» по Гречу и Гроту.

(Ремизов 1994, 216, № 6).

Сходным образом функции кодификации литературного языка могут приписываться не риторическому стандарту, значимость которого осознается Ремизовым, а совокупности текстов («У нас нет культуры слова, не было Буало. И единственное наше неписанное “Art Poétique”, наша литературная совесть: Пушкин»)⁶.

Русская языковая ситуация, причем не только современная Ремизову, но и лежащая в основе доминирующего направления литературы XIX в. (и в том и другом случае оговорены, в зависимости от поворота темы, различные исключения), связывается, как правило, с деградацией речевой стихии, с подменной исконно русского заимствован-

4 Ср. Ремизов 1994, 213–217.

5 Успенский 1985, 21; ср. там же, 73 сл. и др.

6 Ремизов 2002, 249; Ремизов 2005, 202.

ными западноевропейскими инвариантами, наконец, с продолжающимся все века русской истории карнавалом переодевания русского слова в иностранные обличья. Достаточно упомянуть, например, что церковно-славянский назван Ремизовым «болгарской одеждой»⁷, а Тургенев в рамках той же пессимистической конвенции подвергнут критике в отношении самого громкого своего заявления о языке и вообще принимается как писатель только после пересмотра его статуса в культуре:

Словесно робкий – Тургенев самые обыкновенные выражения или ставил в кавычки или прибавлял, «как говорится», «как говорят», например, в словах «тверёзый», «пáрит», «на припёке», «наткнулась на нас», «незадача», «лотошил», «затявкали», «жара свалила» и т.д., а в некоторых словах неточный [...] или в известном «Русском языке» («Senilia»), где заключительная фраза из-за неточности теряет всякий смысл: «но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» вместо «но нельзя *не* верить, чтобы такой язык дан был не великому народу!».

[...]

И, конечно, его «могучий» русский язык, я, как русский, с памятью моей всего московского, не могу принять, не оговорюсь: хорошо, только не по «нашему».⁸

Ср. тот же эффект отчуждения, неузнавания собственного наследия в усложненной схеме оценочного соотнесения инновационного слоя с более древней культурной памятью:

В.К. Третьяковский (с Астрахани, земляк В. Хлебникова) вернется из Парижа в Санкт-Петербург, и храня память о Сорбонне, переложит прозу, повесть на вирши – «Езда в остров любви». А попробуйте прочесть прозу Ломоносова? На каком это тарабарском языке – немецкая латынь и ничего русского, у русейшего, и что скажут земляки на Холмогорах старой веры и старого

⁷ Ремизов 1994, 215; ср. Поляков 2001, 66.

⁸ Ремизов 1930, 622–623; Ремизов 2002, 304, 309; Ремизов 2005, 259, 264.

пения! А покажи московскому дьяку: хитро, – скажет, – побряк писал.⁹

Упоминание Хлебникова в связи с Третьяковским не исчерпывается общностью происхождения, а имеет ввиду их отношение к словотворческой стихии. Такой прорыв в современность позволяет Ремизову создать круг знаковых для своей культурно-лингвистической модели имен, объединяющий различные эпохи и предоставляющий возможности вариации в зависимости от контекста описания и масштаба исторической реконструкции, ср., например, перечень в письме к Наталии Кодрянской от 4 декабря 1955 г.:

Сегодня 53 года моей первой напечатанной прозе, а, ведь, это только мгновение. Но только теперь я вижу ясно свой путь слова. История русского слова: Епифаний Премудрый – XIV в. – и наше время: Андрей Белый, Хлебников, Маяковский, совершенно неважно, какая тема – жития святых, сатира. Если удастся, я расскажу вам, когда придет весна. К именам можно прибавить: Розанов, Пастернак. Русская речь вывернута – новое восприятие.¹⁰

Сопоставление различных высказываний Ремизова, объединяющих имена Третьяковского и Ломоносова в одной синтагме (такое сочетание подчеркивает устойчивость ассоциации), показывает, что оценка их деятельности может определяться не только степенью отчуждения от исконной речевой культуры (т.е. инновацией), но и интуитивной связью с традицией:

⁹ Кодрянская 1959, 143. Ср. также: «XVIII век – борьба за “подлое наречие”, но и русейшие Третьяковский и Ломоносов пишут на латинско-церковной французско-немецкой тарбарской. Русская литературная проза начинается с XIX <века>» (Грачева 2003, 308). Сходное определение разговорной речи как «подлого наречия», в частности, среди «потомков Разина» и «поколения Пугачева»; см. Кодрянская 1959, 144.

¹⁰ Кодрянская 1977, 394. В одном дискурсивном пространстве, подчеркивающим отношении к *власти*, литература XVIII в. сочетается с советской современностью: «Литература 18-го века – ода: вынужденное раболепство Сумарокова и лукавое Державина. Одам – упор, сатира от Кантемира до Радищева, “так было и будет: я за себя скажу, мне терять нечего, я подлый”. Веселое, скоморошье – Зощенко. Блестящий – морду набью – раёк Маяковского» (Кодрянская 1959, 144).

Русский язык самый звучный – «речь с героическим звоном» (Ломоносов), богатый – широта, человечность, теплое дыхание степей. «Природа ему даровала все изобилие и сладость языка еллинского и всю важность и сановитость латинского – всяко-родное богатство и пространство» (Тредиаковский). И еще Ломоносов: «живость и бодрость».

Верное чутье XVIII в. после Петровского развала русских людей; в языке расстроенных над могилой природной русской речи.¹¹

Причины утраты параметров культурно-лингвистической памяти описываются Ремизовым синтагмами, которые позволяют сочетать в одном масштабе историческое развитие и трагическую судьбу выразителей языковой стихии. В таком контексте гибель Пушкина получает новое освещение, и отличие своей трактовки Ремизов подчеркивает стилистическими средствами («друг-приятель»), диссонансными при упоминании о «смерти Поэта»:

Пушкина пристрелил друг-приятель в Санкт-Петербурге. Но Пушкин не один, с ним Тютчев, Баратынский, растет Лермонтов. В Пустозерске Аввакума сжег царь, брат Петра, Федор Алексеевич. В дыму костров гарь ест глаза, не различаю – кто подымет из пепла горячий камень.

Слово – это дыхание живой неписанной речи. У Аввакума современников нет: за Аввакума – русский народ. [...]

Сожжение в Пустозерске Аввакума и казнь стрельцов на Москве – заколотило память о Московской Руси. Русское забывается. В 40-х годах в XVIII веке – на книжных вершинах русская чужая грамота.¹²

¹¹ Ремизов 1994, 216, № 3. В других своих весьма подробных заметках о русской языковой истории, источниковедческое изучение которых еще предстоит сделать, Ремизов ставит в заслугу Тредиаковскому «природное чутье к размеру русской песни», в противовес к силлабике Симеона Полоцкого, и добавляет: «Мне еще дороги его опыты графические в словах показать интонацию» (Кодрянская 1959, 143–144).

¹² Кодрянская 1959, 142–143. – Примечательно, что характеристика Ремизовым языковой ориентации Пушкина, с подчеркиванием противопоставления между книжным языком и разговорной речью, провоцирует самого Ремизова на использование просторечия в композиционно отмеченной позиции, см. в рецензии на книгу Puschkin 1924: «Пушкин интересовался архивом, матерьялами –

Устойчивость интерпретации Ремизовым именно этих событий – гибели Аввакума и стрелецких казней – как символа приобретения русской культурой измененного языкового облика подтверждается и другими сходными записями: «[...] залил Красную площадь стрелецкою кровью и заколотил дубиной глубоко в землю природную русскую речь»; «Русские лады природной русской речи XVI – XVII в. – я говорю как это прозвучало в книгах – были залиты стрелецкой кровью и сожжены в срубах». ¹³ Последующее развитие литературного языка лишает его, по представлению Ремизова, средств для адекватной передачи древнего памятника, т.е. создает условия непереводимости. Известно, что попытки адаптации древнерусского материала при помощи ресурсов современного литературного языка и жанрово обусловленной стилизации, вызывали его неодобрение. ¹⁴

Поскольку формулируемая Ремизовым концепция утраты культурной памяти в XVIII в. опирается на подборку свидетельств преимущественно литературного языка, в сферу действия механизмов преимущества попадают виды текста, связанные с традиционным укладом жизни, бытом, письменной и материальной фиксацией устной речи. Установка на живую речь способствует порождению текста с открытой структурой и его накоплению, и с этой точки зрения существенным семиотическим открытием Ремизова является форма аккумуляционного описания,

конечно, тут было любопытство к истории, к событиям – но вернее, его верное чутье узнать свой родной “природный” язык. Пушкина привлекал “базар” – русский склад речи (а в матерьялах история склада этой речи) – “базар” (отсюда “Балда”), чуждый образованным людям [...]. Книга иллюстрирована художником Н.В. Зарешким: как и все, выходящее “из-под кисти” этого художника, *здорово и прет*» (Ремизов 1926, 233–234; курсив наш – Ф.П.). Об отношениях Ремизова и Зарешкого см. Обатнина 2001, 244–275. Ср. также ассоциацию Зарешко-го и «базара» в одноименном фрагменте книги «Россия в письменах»: «Есть у меня память зарешкая – редкий лист» (Ремизов 1982, 33).

¹³ Ремизов 1994, 214; Грачева 2003, 308.

¹⁴ Ср. его отзыв: «Чувство “поэзии” на диком поле не ночевало. И как по-другому, когда “поэты” перелагают на “модерн”: один былины, другой единственную непереводимую прозу русского лада “житие Аввакума”» (Ремизов 2002, 249; Ремизов 2005, 203). В число последних входили Дмитрий Мережковский и Максимилиан Волошин, ср. Мазунин 1958; Wytzens 1972. По поводу *style russe* Ремизов замечает: «отчего мне было всегда неловко и хотелось заговорить по-немецки» (Ремизов 2000а, 112). О «непереводимости» см. также: Ремизов 1994, 216–216.

найденная им в книге «Россия в письменах». ¹⁵ Благодаря своим композиционным особенностям книга допускает совмещение большого количества временных пластов и сюжетных линий. По определению Ремизова:

Наукам археологическим научила меня жена моя С.П. Ремизова-Довгелло, и это дало мне возможность написать книгу *Россия в письменах*, в которой затеял я представить Россию по обрывкам и осколкам ее памятников.

И это не историческое ученое сочинение, а новая форма повествования, где действующим лицом является не отдельный человек, а целая страна, время же действия – века. ¹⁶

Более раннее описание обстоятельств создания Ремизовым своей книги как *конволюта фрагментарной* («обрывки», «осколки», «полустертые», «ничего») и *маргинализованной* («никому не нужные», «мелочи») *памяти*, датированное 1917 г., содержится в газетной публикации 1918 г. и повторено в книжном варианте 1922 г.:

А премудростям палеографическим, чтению и письму глаголическому, виноградной вязи, юсам и аористам научила меня ученица покойного профессора Илии Александровича Шляпкина Серафима Павловна Ремизова-Довгелло, действительный член Санктпетербургского археологического института.

Стал я понемногу старину читать, стал в старине разбираться и затеял по обрывышкам, по никому ненужным записям и полустертым надписям, из мелочей, из ничего представить нашу Россию.

Из мелочей, из ничего представить Россию, чем жила она и стоит доньне, – вот она, какая затея!

И затее моей конца краю не видно. ¹⁷

¹⁵ Книга вышла в берлинском издательстве «Геликон» с грифом «Москва-Берлин» в мае 1922 г. (датировка согласно указанию Ремизова в надписи на экземпляре С.П. Ремизовой-Довгелло, см. Кодрянская 1959, 152). См. о ней предисловие О.П. Раевской-Хьюз «Творческая память» к переизданию: Ремизов 1982 и работы: Manouelian 1996, 44–98; Д’Амелия 2003.

¹⁶ Флейшман / Хьюз / Раевская-Хьюз 1983, 178.

¹⁷ Алексей Ремизов, Россия в письмах // *Раннее утро* № 95 от 26 мая 1918, ср. Грачева 1993, 159; Грачева 2000, 80; изложение совпадает с текстом: Ремизов 1982, 14; 2004, 226–227. Следует отметить, что в сознании Ремизова фрагментарный характер представленных им в «России в письменах» источников не

Обращает на себя внимание, что в книгу включен обширный слой документальных источников и описаний предметов XVIII в., причем, как показано в работе Антонеллы д'Амелия, в дальнейшие замыслы Ремизова (неосуществленный второй том «России в письменах») входило увеличение их числа. Эмоциональную подоплеку такой концентрации свидетельств «беспамятного» века раскрыл сам Ремизов, указав на все более ощущаемое им в годы обработки материала (1917 – 1918) приближение конца Петербургской культуры.¹⁸ Перспектива ее утраты не только позволяет взглянуть на Петровское время как на процесс трансформации культуры, продолжающий древнерусскую эпоху, но и выявить существенное для Ремизова различие в способах репрезентации культурной памяти:

1. В сфере языкового творчества XVIII в. Ремизов склонен выделять тенденции, приводящие к забвению «природного русского лада» и возникновению смешанных форм литературного выражения («русская чужая грамота»), т.е. своего рода креолизации.
2. В пределах того же века Ремизов проводит границу между этой сферой с ее весьма ограниченным потенциалом культурной памяти и сферой документально зафиксированной речи и свидетельств частной жизни, делопроизводства; здесь раскрывается совершенно другая степень преемственности, не затронутая внешними историческими переменами. Фактом систематического собирания и присутствия в собрании Ремизова таких свидетельств XVIII в. подчеркивается их связь с древнерусской стихией и схожими источниками XIX в.

Более подробное изучение представлений Ремизова о русской языковой истории с учетом внутренней хронологии отдельных высказыва-

противоречит их фундаментальному значению для русской культуры: «Я прислушивался к воле за стеной, слушал рассказы с воли и писал “Россию в письменах”, по обрывкам документов из “ничего” воссоздавая старую Россию – ее потревоженных китов, без которых она немыслима» (Ремизов 2000, 173).

18 Отметим также документальный слой Петровского времени в составе «Взвихрённой Руси» – «Петербург. Петрова память» и «Кедрики»: Ремизов 2000, 364–379, 542–543.

ний, несомненно, позволит более полно охарактеризовать особенности его культурно-лингвистической рефлексии.¹⁹

Итак, стратегия сохранения памяти культуры в условиях семиотической нестабильности связывается Ремизовым с вещью, рукописью, документом, фрагментом, достоверность которых гарантируется ссылками на конкретных свидетелей (владельцев, экспертов). Однако наряду с исторической, документальной и информационной ценностью, представленной в сочетании разных видов текста и его материальных носителей, источник Ремизова зачастую предусматривает и особую медиальную характеристику – *традиционный графический план выражения*. Как мы надеемся показать на следующем примере, именно благодаря традиционному облику шрифта в концепции Ремизова существует возможность реконструировать связь между памятником начала XVIII в. и архаическим слоем русского предания.

В состав «России в письменах» входит описание серебряного ковша, который в 1700 г. был пожалован царем Петром I таможенному чиновнику Петру Баженову за служебное рвение; техника повествования Ремизова балансирует здесь, как и в других аналогичных случаях, между элементами описания с ориентацией на стилизованную устную речь / просторечие и необходимостью интегрировать в такое описание текст подлинной надписи начала XVIII в. Этот повествовательный сегмент (в публикации 1922 г. – под названием «Ковш. Сребро-вязь») был завершен в 1918 г.²⁰ По сообщению Ремизова,

Божиим произволением ковш дошел до нашего времени и хранится в старой новгородской общине, в Хлынове городе – в Вятке, у Николая Ивановича Кардакова, вятчанина прирожденного, что живет в собственном доме на Московской улице.

¹⁹ Возможности такого анализа гораздо более обширной группы источников, нежели творчество одного автора, продемонстрированы в замечательной книге Наталии Запольской (Запольская 2003), позволяющей проводить исследование языковой практики и порождения текста культурно-языковыми личностями в рамках одного системного описания.

²⁰ Ремизов 1982, 31–32; Ремизов 2004, 234–235. Более ранняя публикация: Алексей Ремизов, Россия в письмах. Царское жалование. Письмо сребро-вязь. 1700 г. // *Вечерние ведомости* № 28 от 11 апреля 1918 г. (по данным: Lampl 1978, 316).

И я этот ковш серебряный резной в руках держал – самого государя жалование!²¹

О дальнейшей судьбе и местонахождении ковша нам неизвестно. Приводим расшифрованную Ремизовым надпись на ковше с сохранением особенностей ее передачи в книге «Россия в письменах»:

Божиею
милостию мы
велики государь
царь и велики
князь
Петрь
Алексъевичъ
всея
великия
и малыя и
бѣлыя
Россиі
самодержецъ
пожаловаль симъ ковъшемъ кунгурца по-
садьцкого человека Петра Баженова го-
лову кружечного и таможеннаго за ево
радѣніе и за прибор, что он, будучи в
службе великаго государя у збору денеж-
ные казны, і противъ настоящего году
учиниль прибор 1356 рублевъ, прибор не-
малой, 1700-го апрѣля въ 15 день

Графическое расположение надписи принадлежит самому Ремизову и отражает, очевидно, попытку стилизации; орфография передает черты Петровского времени лишь весьма символически. На оригинальных памятниках надписи располагались в нескольких кругах, соединенных друг с другом текстовой полосой по венцу. Несколько произведений, близ-

²¹ Ремизов 1982, 31; Ремизов 2004, 234. Особый интерес вызывает фигура собирателя – Н.И. Кардакова (1885, деревня Кардаковская Вятской губ. – 1973 или 1975, Берлин), выходца из крупной предпринимательской семьи, ученого-энтомолога, коллекционера денежных знаков, с 1922 г. жившего в Берлине и поддерживавшего, в частности, контакты с В.В. Набоковым; см. биографический очерк: Новомодный 2004. О своем петербургском знакомстве с ним упоминает и Владимир Крымов (1951).

ких по времени к описываемому, сохранилось в фондах отдела драгоценных металлов Российского Исторического музея.²² Сопоставляя их надписи с вышеприведенной, можно определенно утверждать, что Ремизов воспроизводит действительно употреблявшийся в конце XVII – начале XVIII в. формуляр (с минимальной модернизацией). Для сравнения приведем надпись на ковше, сделанную по аналогичному поводу лишь десять дней позднее вышеприведенного текста:

Божиею милостию великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея великия и малыя и белыя России самодержец пожаловал сим ковшом самарского посадцкого челвка Афанасия Болдыря за прибор питейной прибыли, что он будучи в 207 году на Самарском кружечном дворе прибрал питейных денег против сего году тысячу три рубли 1700 го апреля в 25 день.²³

Рассматривание и воспроизведение вязи Петровского времени, т.е. традиционной формы письма, сохраненной этикетом в эпоху стремительных нововведений, позволяет Ремизову при передаче фрагмента канцелярской реальности реконструировать следы вневременной архаики, присутствие которой демонстрирует повышенные возможности церковнославянской графики как мнемонического средства в культуре с реформированной, «гражданской» графикой:

Хитра-головоломна вязь в узор сплетает пышный – наследие старой тишайшей Руси – арабскими буквами раскинулась, заплелась. Глядишь и вдыхаешь вольную ширь степей – приволье аральское. Гляди зорче, слышишь, звонко колокольчик звенит, мерная поступь верблюдов, дух от степных костров – зелень и ширь степная.²⁴

Близкая параллель такому описанию пиктографической и генетической основы древнерусской вязи встретила нам в стихотворении «Русь и

²² См., напр., Постникова-Лосева 1953; Троепольская 1987; Лаврентьев 1997, 129–136.

²³ Постникова-Лосева 1953, 52; Троепольская 1987, 65 № 7. Формула «за его радение и за прибор» зафиксирована в 1713 г. (Постникова-Лосева 1953, 53) на месте более распространенной «за его службу (и за прибор)». Модернизацией является чтение Ремизова «Божиею милостию *мы* велики(й) государь ...».

²⁴ Ремизов 1982, 32; Ремизов 2004, 235. К образной связи (славянского) текста и (степного, архаического) ландшафта см. Ремизов 2000а, 199: «У Потєбни приводятся древние “колядки” и все с неизменным с половецких степей навеянным ковылевым тайным». Ассоциация славянской кириллицы с восточными каллиграфическими системами неоднократно встречается у Ремизова, см., напр., Ремизов 2000а, 35–36; Ремизов 2003, 57; ср. также: Поляков 2004.

Восток» одного из основоположников раннего евразийства Петра Николаевича Савицкого (1895 – 1968), написанном им в советском ГУЛаге 2 мая 1949 г. и попавшем впоследствии на Запад:

Славянская торжественная вязь –
 И надписей куфических плетенье!
 Есть родственность и есть созвучность в вас,
 Есть неслучайное схождение и сближение.
 Русь и Восток! Любимый мой предел!
 Грань вековой и творческой судьбины!
 Как вязь на надписях, так общность дум и дел
 Соединит душевные глубины.²⁵

В переписке двух других основоположников евразийства, Петра Сувчинского (впоследствии общавшегося с Ремизовым в Париже) и князя Николая Трубецкого, сохранилась любопытная деталь: описывая свое впечатление от встречи с Ремизовым в Берлине в 1921 г., Сувчинский называет его «настоящим евразийцем».²⁶ Такая характеристика точно отражает восприятие Сувчинским интереса Ремизова к восточным связям русской культуры как явления, близкого по духу евразийцам. Однако помимо личных симпатий к некоторым участникам евразийского движения и возможных идеологических пересечений с ними данный эпизод подтверждает многообразие используемых Ремизовым механизмов культурной памяти и семиотическую глубину его анализа, «непрерывность жизни духа и проницаемость в глубь жизни».²⁷

²⁵ Востоков 1960, 116. Этим псевдонимом П.Н. Савицкий пользовался еще в 1932–1934 гг. в журнале *Monde slave* (см. Горяев 2001, 148). О стихотворениях Савицкого см. также: Stammler 1995, 532–533; Кишкин 1999; Степанов 2000.

²⁶ Соболев 1991, 125. Об отношении Ремизова к Сувчинскому свидетельствуют различные источники и прежде всего «карьера» последнего в ремизовском Обезвельволпале (Обатнина 2001, 361). Наряду с Г.П. Федотовым и князем Д.П. Святополком-Мирским Сувчинский причисляется к единомышленникам Ремизова в вопросах языковой культуры и по отношению к протопопу Аввакуму (Ремизов 2003, 314). – По словам востоковеда В.П. Никитина о Ремизове тот был «один из редких русских писателей, чувствовавших и любивших Восток. Стоило лишь посмотреть на него самого, на черты его лица, на тубетейку, чтобы понять его влечение к московской, полуазиатской Руси. Отсюда и близость А.М. к евразийству, отвечавшему ему тем же» (Ремизов 1994а, 191).

²⁷ Ремизов 2000а, 6.

Литература

- Востоков 1960: П. Востоков [П.Н. Савицкий], *Стихи*. [München].
- Горяев 2001: А.Т. Горяев, *Евразийство: «научный замысел» и практические реалии*. Москва-Элиста.
- Грачева 1993: А.М. Грачева, Из истории контактов А.М. Ремизова с медиевистами начала XX века (Илья Александрович Шляпкин) // *Труды Отдела древнерусской литературы* XLVI, 158–169.
- Грачева 2000: А.М. Грачева, *Алексей Ремизов и древнерусская культура*. С.-Петербург.
- Грачева 2003: Творческие материалы А. Ремизова к книге Н. Кодрянской “Алексей Ремизов”. Предисловие, публикация и примечания А. Грачевой // *Gračeva / d’Amelia* 2003, 249–322.
- Д’Амелия 2003: Антонелла д’Амелия, Книга без конца: “Россия в письменах” // *Gračeva / d’Amelia* 2003, 125–140.
- Запольская 2003: Н.Н. Запольская, *«Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии*. Москва.
- Кишкин 1999: Л.С. Кишкин, [Рец. на кн.:] П. Савицкий, *Дороги*. Чернигов, 1996 // *Славяноведение* № 4, 102–104.
- Кодрянская 1959: Наталья Кодрянская, *Алексей Ремизов*. Paris.
- Кодрянская 1977: Наталья Кодрянская, *Ремизов в своих письмах*. Paris.
- Крымов 1951: В.П. Крымов, *Из кладовой писателя*. Paris.
- Лаврентьев 1997: А.В. Лаврентьев, *Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI – XVIII вв., их создатели и владельцы*. Москва.
- Мазунин 1958: А.И. Мазунин, Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума // *Труды Отдела древнерусской литературы* XIV, 408–412.
- Новомодный 2004: Е.В. Новомодный, Исследователи Дальнего Востока зоологи братья Кардаковы // *Записки Гродековского музея* (Хабаровск) вып. 9, 159–171 (<http://www.kotelnich.info/about/kardak/kardak.shtml>).
- Обатнина 2001: Е. Обатнина, *Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах*. С.-Петербург.

Поляков 2001: Федор Поляков, Алексей Ремизов и *Житие* протопопа Аввакума: воссоздание текста культуры в эмиграции. In: Susi K. Frank, Erika Greber, Schamma Schahadat, Igor Smirnov (Hrsg.), *Gedächtnis und Phantasma. Festschrift für Renate Lachmann*. München, 64–71 (Die Welt der Slaven. Sammelbände – Сборники, 13).

Поляков 2004: Федор Поляков, Славяно-русская палеография в биографическом повествовании Алексея Ремизова. In: Miloš Okuka / Ulrich Schweier (Hrsg.), *Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag*. München, 473–481 (Die Welt der Slaven. Sammelbände – Сборники, 21).

Постникова-Лосева 1953: М.М. Постникова-Лосева, *Русские серебряные и золотые ковши*. Под ред. С.Л. Марголина. Москва (Труды Государственного Исторического музея. Памятники культуры, вып. X).

Ремизов 1926: Алексей Ремизов, О разных книгах // *Воля России* (Прага) № VIII-IX, 230–234.

Ремизов 1930: Алексей Ремизов, Тридцать снов Тургенева. 1818 – 1882 // *Воля России* (Прага) № VII-VIII, 580–623.

Ремизов 1982: Алексей Ремизов, *Россия в письменах*. Т. I. Предисловие О. Раевской-Хьюз. New York.

Ремизов 1994: Алексей Ремизов, Новые материалы (Вступительная заметка и публикация Аллы Грачевой) // *Алексей Ремизов: исследования и материалы*. Отв. ред. А.М. Грачева. С.-Петербург, 193–230.

Ремизов 1994а: Алексей Ремизов, *Павлиньим пером* / Составление, вступ. статья, примечания Н. Грякаловой. С.-Петербург.

Ремизов 2000: А.М. Ремизов, *Собрание сочинений*. Т. 5. *Взвихрённая Русь* / Подготовка текста, статья, комментарии А.В. Лаврова, А.М. Грачевой, Е.Д. Резникова, Е.Р. Обатниной. Москва.

Ремизов 2000а: А.М. Ремизов, *Собрание сочинений*. Т. 8. *Подстриженными глазами* / Подготовка текста, статья, комментарии О.П. Раевской-Хьюз, А.М. Грачевой. Москва.

Ремизов 2002: А.М. Ремизов, *Собрание сочинений*. Т. 7. *Ахру* / Подготовка текста, статья, комментарии, указатель имен Е.Р. Обатниной. Москва.

Ремизов 2003: А.М. Ремизов, *Собрание сочинений*. Т. 10. *Петербургский буерак* / Подготовка текста, статья, комментарии А.М. Грачевой. Москва.

Ремизов 2004: Алексей Ремизов, *Сторона небылая. Легенды. Сказки. Сны. Фантастика. Исторические были-небыли* / Составители И. Попов, Н. Попова. Москва.

Ремизов 2005: А.М. Ремизов, *Огонь вещей. Сны и предсонье* / Составление, подготовка текста, вступ. статья и коммент. Е.Р. Обатниной. С.-Петербург.

Соболев 1991: А. Соболев, Князь Н.С. Трубецкой и евразийство // *Литературная учеба* № 6, 121–130.

Степанов 2000: Д.Н. Степанов, П.Н. Савицкий и его стихи // *Известия Академии наук. Серия литературы и языка* 59, № 6, 53–57.

Троепольская 1987: Н.Г. Троепольская, Палеографический анализ надписей на серебряной жалаванной посуде XVII–XVIII вв. // *Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики*. Москва, 62–70 (Труды Государственного ордена Ленина Исторического музея, 63).

Успенский 1985: Б.А. Успенский, *Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни*. Москва.

Флейшман / Хьюз / Раевская-Хьюз 1983: Л. Флейшман / Р. Хьюз / О. Раевская-Хьюз, *Русский Берлин 1921 – 1923. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте*. Paris.

Gračeva / d'Amelia 2003: *Алексей Ремизов: исследования и материалы*. Отв. редакторы А.М. Грачева и А. д'Амелиа. *Aleksej Remizov: studi e materiali inediti* a cura di А.М. Gračeva e А. d'Amelia. С.-Петербург-Salerno (Collana di Europa Orientalis, 4).

Lampl 1978: Horst Lampl, Bemerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie А.М. Remizovs. In: *Wiener Slawistischer Almanach* 2, 301–326.

Manouelian 1996: Edward Eric Manouelian, *Narrative as Palimpsest: Remizovian Texts and Contexts, 1914 – 1921*. Ann Arbor.

Poljakov 2002: Fedor B. Poljakov, Aleksej Remizov und Pierre Pascal: Transgressive Formen des kulturellen Gedächtnisses im europäischen Exil. In: Ulrike Jekutsch, Ulrich Steltner (Hrsg.), *Slavica litteraria: Festschrift für Gerhard Gieseemann zum 65. Geburtstag*. Wiesbaden, 315–326 (Opera Slavica, N.F., 43).

Puschkin 1924: Alexander Puschkin, *Anekdoten und Tischgespräche*. Herausgegeben, übertragen und mit einem Vorwort versehen von Johannes von Guenther. Mit Illustrationen von Nicolai Saretzkij. München.

Stammler 1995: Heinrich A. Stammler, Slavistes d'autrefois. Akademische Lehr- und Wanderjahre. In: Klaus Harer / Helmut Schaller (Hrsg.), *Festschrift für Hans-Bernd Harder zum 60. Geburtstag*. München, 511–540 (Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas, 36).

Wytrzens 1972: Günther Wytrzens, Der Protopop Avvakum in der russischen schönen Literatur. In: *Wiener Slavistisches Jahrbuch XVII*, 310–319.